

любимым конем с чувством понятной человеческой печали. Узнав через много лет о смерти животного, он предается печальным думам, и у него возникает желание увидеть кости коня, служившего ему так долго и так верно. Художественный историзм, реализуемый в балладе, который мы считаем конструктивным вкладом в развитие реализма в русской поэзии, не означает еще, что она не имеет признаков романтического стиля. Так, например, мысль о судьбе, которой подвержен каждый человек, и понятие о пророческом предвидении — это субъективно-романтические черты. Но все же отнюдь не случайно, что романтики, друзья Пушкина, восприняли эту балладу без особенного сочувствия.³⁰ Причиной тому была целостность исторического человеческого образа, к которой стремился Пушкин. Эта целостность не соответствовала их одностороннему взгляду на историю как всего лишь фон для беспрепятственного развития поэтической фантазии. Пушкин был не только против введения деталей, противоречащих временному колориту (примером тому является его спор с Рылеевым из-за щита Олега), но и против всякого самовольного изменения индивидуальных черт характера исторических лиц.³¹

3. Древнерусский князь как идеальный образ связанного с народом правителя

В тесной связи с образом героического человека, показанного с народно-эпической точки зрения в лице древнерусских князей и витязей, находится образ древнерусского князя как идеального правителя. Тем не менее по некоторым соображениям следует отделять этот последний от народно-эпического образа как генетически, так и функционально. Древние князья, раздвигавшие, как известно, внешние бытовые условия со своими дружинниками, могли еще рассматриваться в эпической песенной традиции как выразители народных интересов. Но уже вскоре изменившиеся феодальные правовые и имущественные отношения привели к тому, что значительная часть народа стала жертвой воинской мощи князя и его дружины, которая служила чисто эгоистическим целям количественно незначительной социальной верхушки. Постоянные усобицы князей находились в резком противоречии с народными интересами, и медленно, но верно вели к ослаблению боевой мощи Киевской Руси и приблизили серьезную опасность со стороны внешних врагов. В древнерусской литературе, начиная с «Повести временных лет», вплоть до «Слова о полку Игореве» и более поздних литературных памятников эпохи татарского ига, ставится по вполне понятной причине вопрос об ответственности князя перед обществом, об отношении между князем и народом. Личный героизм все еще играет важную роль, но в результате классовой дифференциации он не может более быть функцией общенародного интереса, как в прежнее время. Слишком часто воинственные предприятия оказывались противоречащими интересам народа, и принципиально признанное требование героического поведения, оставшаяся, как и прежде, обязательным, модифицируется добавочными вопросами: кому служит это героическое поведение на пользу, кому во вред? Наивная рутинность народно-эпической точки зрения уступает место

³⁰ См., например: Сын отечества, 1825, т. 99, № 3, стр. 309.

³¹ См.: С. М. Петров. Проблема историзма в мировоззрении и творчестве Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин, 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств, М.—Л., 1951, стр. 200. За подобные самовольные изменения Пушкин также критиковал исторический роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом». (А. С. Пушкин, т. 10, стр. 555)